

Проблема смерти и ее интерпретация в отраслях гуманитарного знания

Т. Б. Перфилова, Н. А. Поликарпова

В настоящей статье проблема танатологии рассматривается преимущественно с позиций философии, психологии и истории.

Ключевые слова: танатология, душа, бессмертие, внетелесное существование души, смерть в третьем лице, смерть во втором лице, смерть в первом лице.

The Problem of Death and its Interpretation in the Field of Humanist Knowledge

T. B. Perfilova, N. A. Polikarpova

The problem of thanatology is mainly studied from the stand of philosophy, psychology and history.

Key words: thanatology, soul, immortality, outside corporeal existence of soul, death in the third person, death in the second person, death in the first person.

Танатология относится к числу наименее изученных научных проблем, что объясняется феноменальностью смерти как явления. Момент кончины, определяющий завершение индивидуального человеческого бытия и сознания, отвергает возможность его интроспективного восприятия и осмысления смерти самим индивидом, поэтому смертный миг познаваем лишь со стороны. В связи с этим, констатируя однократность и неизбежность наступления смерти, а также равенство всех людей перед ней, исследователи, как правило, сосредоточивали свои усилия на изучении психофизических и медицинских аспектов смерти, элиминируя философские, исторические, психологические ее модусы.

Таким образом, изучение темы смерти если и происходило, то осуществлялось в рамках более общей проблемы – проблемы бинарной оппозиции «жизнь-смерть», причем гораздо большей значимостью наделялась первая ее часть.

На этапе генезиса представлений о кончине попытки проанализировать отдельные аспекты данной проблемы предпринимались такими мыслителями античности, как Платон, Демокрит, Эпикур. Их интересовала лишь возможность теоретического обоснования смертности или бессмертия души, что гармонично вплеталось в создаваемые ими теории бытия.

В последующие века тема смерти надолго оказалась прерогативой религии, которая рассматривала смерть как неизбежный этап завершения жизни, когда высвободившаяся из оков бренного тела душа могла перейти к качественно новому существованию в другом мире. Эта догматическая трактовка смерти как пограничного этапа при переходе души из греховного земного

бытия в наилучший из миров обеспечивала инвариантность в отношении к ней.

Положение дел стало меняться лишь в тот момент, когда под воздействием естественно-научных знаний влияние религии начало ослабевать, и тема смерти была вычленена как цельная, самостоятельная проблема, требующая разностороннего, детального изучения. Но даже этот факт не привел к осознанию необходимости пристального изучения проблемы небытия, ибо веками формировавшееся отношение к смерти, накрепко внедренное в человеческое сознание религиозными институтами, продолжало довлеть над умами людей.

Кроме того, изучение проблемы смерти осложнялось отсутствием достоверных свидетельств о состоянии человека в момент умирания, наличии загробного мира и внетелесного существования души. В связи с отсутствием аутентичных фактов все теоретические построения воспринимались как гипотезы, которые вряд ли имели шанс перерасти в аксиому. Таким образом, на данном этапе, как и раньше, во главу угла ставились попытки доказать или опровергнуть существование жизни после смерти. Еще не сформировалось понимание того, что ценность изучения темы смерти состоит не в бесплодных попытках приоткрыть завесу таинственности над тем, что нас ждет после смерти, и не в рассуждениях о том, есть ли вообще это после, а в том, что знание и понимание того, как и почему человек на разных этапах развития общества относился к моменту завершения витальности, может пролить свет на его отношение к жизни, обществу и своему месту в нем, позволяет выявить цен-

ности индивида, объяснить и понять модели его поведения.

В XVIII – начале XX в. вопросы, связанные со смертью, попадают в поле зрения таких видных философов, как Г. В. Ф. Гегель, А. Шопенгауэр и др. Смерть, по Гегелю, – необходимый этап в процессе становления духа, тогда как у Шопенгауэра это разрушительная сила, которой неподвластна лишь воля.

К XX в. общество стало характеризоваться все более возрастающим темпом жизни и уровнем потребностей большинства его членов, а также высоким потенциалом в сфере науки и техники. Такое общество уже не могло воспринимать столь ограниченный отрезок жизни индивида как строго установленную норму, оно стремилось до максимально возможного предела раздвинуть его границы. Именно поэтому проблема познания смерти к этому времени стала одной из наиболее актуальных и востребованных тем, выступавших в качестве объекта изучения в рамках различных отраслей науки.

Пальма первенства в сфере изучения смерти принадлежит философскому направлению, ибо специфичность самой проблемы, определяемая отсутствием доказательной базы, позволяет свободно формулировать теории, почти не подтвержденные фактами, лишь в рамках умозрительных наук.

Фундаментальными трудами, созданными в пределах данного направления, можно считать работы Ф. Арьеса – «Человек перед лицом смерти», К. Ламонта «Иллюзия бессмертия», В. Янкелевича «Смерть», С. Рязанцева «Философия смерти» [1].

В связи с тем, что смерть представлялась явлением сложным, многогранным, изучение ее происходило по-разному: одни авторы делали акцент на исследовании современного им восприятия смерти, другие устремляли взгляд вглубь веков в попытках охватить взором метаморфозы человеческого отношения к смертному мигу, третьи концентрировали свои усилия на попытке доказать или опровергнуть теорию о внетелесном существовании души и наличии мира по ту сторону реальности.

Так или иначе, все исследователи пришли к мысли о том, что смерть не является абсолютным злом и худшим врагом человека, – скорее, наоборот: «смерть – это совершенно естественное явление, она играла полезную и необходимую роль в ходе длительной биологической эволюции» [2]. Социальное значение смерти также имеет свои

положительные стороны, влияя, к примеру, на нравственность потомков усопшего. Кроме того, «смерть оказывается не концом жизни, а лишь концом отдельного существования, завершая индивидуальную судьбу, но не универсальную витальность» [3].

Так, В. Янкелевич выделил три лица смерти: смерть в третьем лице, во втором и в первом. Смерть в третьем лице – есть «смерть-вообще», абстрактная и безличная. В этом случае она рассматривается как объект, который может быть проанализирован с медицинской, биологической, демографической и любой другой точки зрения. Такая кончина знаменует собой уход из жизни чужака, некоторое отвлеченное лицо, индивидуальность которого стерта до неузнаваемости, это уже не личность в традиционном ее понимании, а всего-навсего трафарет, которым может быть каждый, но в то же время никто конкретно. Поскольку данное событие непосредственно нас не затрагивает, а индивид, попавший в объятия смерти, обезличен, то и сам факт его кончины индифферентен для нас.

Полярной единицей в труде В. Янкелевича выступает смерть в первом лице – своя смерть, к которой невозможно отнестись равнодушно, однако объективной оценки она также не предполагает.

Между анонимностью третьего лица и трагической субъективностью первого находится промежуточный случай второго лица; между смертью другого, далекой и безразличной, и смертью собственной, прямо тождественной пограничному состоянию нашего бытия, есть *близость* кончины близкого. Тяжело скорбя и оплакивая ушедшего, мы переживаем смерть близкого как нашу собственную, но и наоборот: это соприкосновение, но не совпадение, это близость, но не идентичность, которая позволяет осмыслить смерть родственника или друга как чужую смерть [4].

На основании того, что неизвестность смерти касается, прежде всего, ее даты, автором труда «Смерть» выделяется несколько возможных вариантов отношения индивида к моменту прекращения бытия, который влияет на формирование последующего образа жизни и определение «формулы» поведения каждого конкретного человека. Так, асимметричная формула «смерть точная, час неточный» является, по Янкелевичу, девизом серьезной и активной воли, в равной степени далекой от отчаяния и от призрачной надежды. Ведь именно это несоответствие между

фактической достоверностью и хронологической неопределенностью есть необходимый стимул для деятельной жизни [5].

По мнению французского историка и демографа Ф. Арьеса, вопрос о восприятии смерти, являясь составной частью более общей проблемы ментальности, позволяет «углубить понимание многих сторон социально-культурной действительности минувших эпох, лучше понять, каков был человек в истории» [6]. В качестве поля деятельности автор избрал значительный временной диапазон: от раннего Средневековья до современности, что объясняется сравнительно низкой степенью модификаций ментальных характеристик, проследить которые в более узком временном континууме крайне сложно.

Данный промежуток времени протяженностью более чем в тысячу лет Ф. Арьес подразделяет на пять неравномерных частей на основании выявленных им вариаций рефлексии сознания людей в отношении к смерти.

Первый этап, получивший название «смерть прирученная», ознаменовался, по его мнению, восприятием кончины как вполне естественного явления, ожидающего каждого вне зависимости от расовых, социальных, возрастных, гендерных различий. В связи с этим момент ухода из жизни не затрагивал эмотивную составляющую человеческой души, не оставлял на сердце рубцов и кровоточащих ран, не порождал тягостных, скорбных чувств, потому и рассматривалась такая смерть как свершившийся факт, как некая данность.

Следующий этап в эволюции отношения людей к смерти – «смерть своя» – связывается исследователем с появлением идеи Страшного суда над родом человеческим и сменяющим его судом индивидуальным. «Близость живых и мертвых, ранее не внушавшая сомнений, отныне оказывается нестерпимой, равно как и вид трупа, скелета, который был существенным компонентом искусства в период расцвета жанра “пляски смерти” в конце Средневековья» [7].

Третий этап, названный Ф. Арьесом «смерть далекая и близкая», характеризовался наделением смерти «дикой», неукротимой, разрушительной природой.

Четвертая ступень, или «смерть твоя», возникла в связи с ослаблением веры в загробные кары. Теперь смерть ждут как момента воссоединения с любимым существом, ранее ушедшим из жизни. Кончина близкого человека представляется более тягостной утратой, нежели собственная

смерть. Романтизация смерти способствует превращению состояния страха смерти в зарождение чувства прекрасного [8].

Смерть в сознании людей XX в. приобретает все более негативную коннотацию, возникает стремление отгородиться от всего, что связано с этим явлением, полностью заблокировать в недрах подсознания мысли о бренности человеческого существования. Такое «ненормальное», по определению Ф. Арьеса, отношение к кончине получило наименование «смерть перевернутая».

Более обобщенное видение трансформации представлений о смерти и ее осмыслении человеком вообще дает отечественный исследователь В. Рязанцев в работе «Философия смерти».

В качестве особенности «Философии смерти» можно выделить не только стремление автора отразить представления людей о том, что происходит с душой человека «по ту сторону смерти», но и то, что может происходить с телом человека после жизни. Судьба «вместилища» души могла быть разнообразна: сожжение, захоронение в земле, мумификация или даже распространенный среди ряда африканских племен каннибализм. Автор отмечает, что культурные особенности той или иной эпохи неизменно накладывали отпечаток на организацию повседневной жизни, в том числе и на процесс погребения, изучение которого помогает вычленить особенности восприятия смерти представителями разных цивилизаций, а также проследить преемственность в сознании людей прошлого и современного человека.

Тесно связан с проблемой смерти вопрос о бессмертии и путях его обретения. Проблема нахождения пути к вечной жизни с давних времен занимала умы ученых и мыслителей, однако, по мнению В. Рязанцева, обретение бессмертия мучительно и пагубно скажется на жизни общества и повлечет за собой огромное количество проблем.

Вопросам, связанным с бессмертием, посвятил свой труд «Иллюзия бессмертия» К. Ламонт. В отличие от большинства исследователей, под бессмертием К. Ламонт понимает отнюдь не способность к вечной посюсторонней жизни, а возможность существования души после физической смерти тела. На протяжении всего труда автор развенчивает утверждения имморталистов о возможности существования в другом мире души без телесной оболочки. Однако К. Ламонт вынужден признать, что в сознании людей вера в су-

ществование загробного мира будет существовать до тех пор, пока у человека не рудиментируются стремления к продлению своего жизненного пути, к реализации не воплотившихся в по-стороннем мире мечтаний, к исправлению совершенных в земной жизни ошибок.

Несмотря на все различия взглядов представителей философского направления по вопросу о смерти, специфику подбора материала, освещения фактов и событий, связанных с проблемой смерти, главное функциональное назначение указанных трудов тождественно. Состоит оно в попытке «приучить» нас к смерти, избавить от страха перед ее неизбежностью, что приведет к объективной оценке своих возможностей и осознанию необходимости как можно более полного событийного наполнения каждого мгновения нашего пребывания на земле.

Представитель медицинского направления изучения проблемы смерти Р. Моуди [9] проводил исследования, основной целью которых было стремление доказать или опровергнуть существование жизни после смерти. В качестве основы для своих умозаключений он использовал свидетельства лиц, переживших клиническую смерть. Однако их аргументы не могут считаться достоверным доказательством существования загробного мира, ибо клиническая смерть не является смертью «в чистом виде», ведь у человека продолжают функционировать отдельные части организма, он сохраняет возможность вернуться к жизни. Возникновение образов «загробного мира», сопровождающих состояние клинической смерти, можно объяснить высвобождением в экстремальной ситуации из глубин подсознания ранее приобретенных представлений о потустороннем существовании души.

Наиболее значимой работой по вопросу о смерти в рамках психологического направления можно считать статью З. Фрейда «Мы и смерть» [10], где он попытался доказать, что амбивалентность восприятия смерти близкого человека и «чужого», некогда зародившись в сознании первобытных людей, сохранилась до наших дней в качестве корнящегося в бессознательном атавистического образования, сдерживаемого силами морали и культуры. Задача современного человека, по Фрейду, состоит в изменении отношения к смерти в сторону упрощения, в искоренении первобытного страха перед неизбежностью.

На стыке двух наук – медицины и психологии – находится работа психиатра С. Грофа «Человек перед лицом смерти». Написанная в соавторстве

с Д. Хэлифакс, она содержит результаты экспериментального проекта «Спин Гроув», основанного на исследовании поведения безнадежно больных онкологических пациентов во время психоделических сеансов с применением больших доз психотропных препаратов. Данные опытов натолкнули авторов на интересные открытия. «Оказывается, в подсознании можно обнаружить некие кладовые памяти, которые не обнажают своих сокровищ в обычном состоянии. Но в эксперименте, когда с помощью различных средств эти шлюзы ничем не прикрыты, человек способен вспомнить всю свою жизнь, вызвать из глубин подсознания такие картины, которые, казалось бы, никогда не гнездились в активной памяти. Особенно насыщенную информацию несут эти матрицы перед ликом смерти. Человек вспоминает всю свою жизнь, начиная от тайны рождения. Двигаясь еще дальше по шкале времени, он способен увидеть и предшествующую смерть. Он оказывается во власти глубоких архетипических и запредельных состояний сознания. На психологических сеансах человек проходит стадии агонии, смерти и повторного рождения» [11].

Результаты сеансов показали, что прошедшие подобную процедуру пациенты резко меняли представление о самих себе, об окружающем мире. «Такой подход неизменно влечет за собой значительные сдвиги в системе ценностей: от настойчивых усилий по механическому продлению жизни – к заботе о том, каким будет наступление смерти» [12].

Таким образом, медицинские и психологические исследования позволяют посмотреть на проблему смерти по-новому. Современные научные методики, а также знания в области психологии и психоанализа позволяют, насколько это возможно, преодолеть одно из сложнейших препятствий при изучении данной проблемы – неспособность человека к познанию смерти в момент и после ее наступления.

В пределах исторической науки потребность в изучении вопросов, касающихся проблемы смерти, вызвана иными причинами. Восприятие, осмысление и переживание смерти, представления о посмертном существовании глубоко укоренены в менталитете и психологии того или иного народа, связаны с особенностями той или иной культуры. Это обстоятельство дает шанс надеяться на то, что изучение темы смерти поможет воссоздать картину мира, присущую конкретному культурно-историческому сообществу, предостережет от нередко встречающихся попыток

унификации культур и людей. Такой подход актуален и при освещении проблемы смерти в древнеримской цивилизации, которая представляет собой наименее изученную тему в историографии античной истории [13].

Практически все известные нам труды, освещающие быт и повседневную жизнь римлян, в том числе и их погребальные обряды, содержат крайне скудную, дублирующуюся информацию описательного характера. Так, немецкий историк культуры Г. Вейс в многотомном труде «История культуры народов мира» в разделе, посвященном Древнему Риму [14], пытался осветить тему смерти на основе изучения погребальных сооружений различных периодов римской истории. Однако столь узкая источниковая база позволила автору сформировать представления о восприятии смерти лишь очень небольшой группы людей, имевшей возможность увековечивать память о себе в каменных изваяниях.

Другими исследователями [15] освещались формы погребения (труположение и трупосожжение), распространенные в Риме, подробно описывались передававшиеся из поколения в поколение традиции захоронения римлян, а также «священные» места, служившие последним пристанищем их телесных оболочек.

Однако полученные результаты не во всем соответствуют историческим реалиям по причине недоучета специалистами немаловажной особенности истории – динамичности. Большинство авторов стремились унифицировать облик смерти, привнося в него черты, «вырванные» из разных периодов многовековой истории Древнего Рима. Таким образом, создавался собирательный образ смерти, не отражавший особенностей восприятия этого явления жителями «вечного города» на разных этапах существования древнеримской цивилизации. Кроме того, неизученными являются вопросы влияния восприятия смерти на жизненные ориентиры представителей разных категорий римского общества, степени иноземных заимствований в восприятии смерти и потустороннего мира в Древнем Риме.

Рассмотренные обстоятельства придают актуальность дискурсу, освещающему многочисленные аспекты проблемы небытия в Древнем Риме. Опыт исследования проблемы смерти, накоплен-

ный в философии, психологии, истории медицины, открывает широкие возможности для его осмысления и транслирования на почву античного мира, известного нам преимущественно по безжизненным (в биологическом смысле) артефактам. Выводы, полученные в гуманитарных науках, таким образом, могут представлять важные ориентиры к познанию танатологии в Древнем мире.

Примечания

1. Арьес, Ф. Человек перед лицом смерти [Текст]. – М., 1992; Ламонт, К. Иллюзия бессмертия [Текст]. – М., 1984; Рязанцев, С. Философия смерти [Текст]. – СПб., 1994; Янкелевич, В. Смерть [Текст]. – М., 1999.
2. Ламонт, К. Указ. соч. – С. 276.
3. Янкелевич, В. Указ. соч. – С. 370.
4. Там же. – С. 32.
5. Там же. – С. 150.
6. Арьес, Ф. Указ. соч. – С. 6.
7. Там же. – С. 14.
8. Там же. – С. 15–16.
9. Моуди, Р. Дальнейшие размышления о жизни после смерти [Текст]. – Киев, 1996.
10. Фрейд, З. Мы и смерть. Танатология – наука о смерти [Текст]. – СПб., 1994. – С. 13–25.
11. Гуревич, П. С. О жизни и смерти. Жизнь земная и последующая [Текст]. – М., 1991. – С. 408.
12. Гроф, С., Хэлифакс, Д. Человек перед лицом смерти [Текст]. – Киев, 1996. – С. 205.
13. Большой вклад в изучение проблемы посмертного существования души в Древней Греции (особенно в период эллинизма) внес знаменитый отечественный историк Ф. Ф. Зелинский. См.: Зелинский Ф. Ф. Эллинская религия. – Минск, 2003.
- Крупные достижения в проблемном поле танатологии имеются и в историографии Древнего Востока. Однако этого нельзя сказать об уровне исследования проблемы потустороннего существования в Древнем Риме.
14. Вейс, Г. История культуры народов мира. – Т. 4. Возвышение и упадок империи. Древний Рим. – М., 2004.
15. Здесь необходимо отметить следующие важнейшие работы: Велишский, Ф. Ф. История цивилизаций: быт и нравы древних греков и римлян [Текст]. – М., 2000; Винничук, Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима [Текст]. – М., 1988; Гиро, П. Быт и нравы древних римлян [Текст]. – Смоленск, 2002; Сергеенко, М. Е. Жизнь в Древнем Риме: очерки быта [Текст]. – М.; Л., 1964.